

Близнецы

Наталья Никольская

Грязная кровь

«Научная книга»

Никольская Н.

Грязная кровь / Н. Никольская — «Научная книга»,
— (Близнецы)

Детектив из серии «Близнецы» Натальи Никольской

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

1. ПОЛИНА	5
2. ОЛЬГА	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

НАТАЛЬЯ НИКОЛЬСКАЯ

ГРЯЗНАЯ КРОВЬ

1. ПОЛИНА

В тот день я решила навестить сестру, благо выдался выходной. Сидеть дома и, например, отдраивать до блеска мебель мне в свободное (личное, как говорят в армии) время ну просто никак не хотелось и я решила позволить себе делать то, что хочу.

А хотелось к Ольге. Мы не виделись уже где-то с неделю и даже не перезванивались, хотя обычно перерывы между нашими встречами не были такими длительными. Просто на этой неделе у меня было много работы и не хотелось упускать выгодных клиентов – шейпинг, несмотря на все дефолты и девальвации у нас по-прежнему остается популярным, а услуги тренера прилично оплачиваются.

Отдраивать мне все же пришлось, но не мебель, а свой старенький «ниссан». Тщательно протирая лобовое стекло я в который раз похвалила себя за известную прыткость – успела-таки вовремя продать «жигули» и, присовокупив не столь высокую, как казалось сначала доплату, я стала владельцем этой милой машинки.

Ольга жила в получасе езды от моего дома. Обитала моя сестренка в однокомнатной хрущобе с двумя детьми, которые сейчас наверняка гостили у нашей мамы – Ираида Сергеевна жила неподалеку и милостиво разрешала приводить к себе детей на выходные.

Надо сказать, что мама, несмотря на свои сорок девять лет (а может быть, и благодаря им) вела довольно бурную личную жизнь и у нее часто можно было застать очередного «друга дома», как правило моложе ее лет на двадцать. С внуками своей пассии «друзья дома» играли с удовольствием, что вполне устраивало и маму, и Ольгу, и, разумеется, самих детей. Поскольку «друзья дома» менялись несколько раз в год, то дети практически постоянно были обеспечены общением «нового дяди», как выражались Артур и Лиза. Бывший же Ольгин муж, Кирилл Козаков, детей видел разве что на фотографиях, которые подсовывала ему под нос Ольга, когда в очередной раз брала у него деньги. Тут надо отдать Кириллу должное – детьми манкировал, но деньгами снабжал регулярно и в достаточном объеме. А чего ж ему не снабжать – как-никак свой бизнес, и вполне доходный.

Может быть, я не права, но Кирилл развернулся во всю ширь лишь после того, как ушел от Ольги. Если даже это и совпадение, то достаточно показательное. Дело в том, что моя сестра была мало приспособлена к реалиям нашей сегодняшней жизни. Иногда мне казалось, что сестра запоздала с рождением, ведь в советские времена Ольга смотрелась бы вполне адекватно: к деньгам равнодушна, слова «карьера» произносит как будто это что-то неприличное, читает всякие умные книжки и обожает тусоваться со своими ровесниками из клуба любителей авторской песни.

Сворачивая на перекрестке, я невольно поймала свое отражение в зеркальце заднего вида и усмехнулась. Каждый раз, во время визитов к Ольге меня не оставляет странное чувство – когда я общаюсь с сестрой, то кажется будто смотрюсь в зеркало, мы ведь близнецы.

Не буду вас утомлять рассказами о наших школьных проделках – вы сами можете себе представить, какие возможности открываются перед сестрами-близняшками в среднем учебном заведении. Но на внешнем тождестве все наше сходство и заканчивалось – если говорить о характерах и образе жизни, то трудно было бы себе представить двух более несхожих между собой людей.

Вот и сейчас, когда я приехала к Ольге, то начала «заводиться» уже с порога. Во-первых, на вешалке в прихожей почему-то висели кухонные полотенца, во-вторых, на тумбочке лежала книга с сотенной купюрой вместо закладки, а в-третьих...

– Здравствуйте, меня зовут Валя! – вынырнуло из кухни незнакомое мне юное создание.

– Очень приятно, – без особого энтузиазма отозвалась я. – Полина.

– Оля столько говорила мне о вас! – с торопливым восхищением пробормотала Валя, пряча глаза и пробегая мимо меня в ванную.

Я пожала плечами и прошла в зал. Ольга, как обычно, сидела, уткнувшись в телевизор.

– Ты хоть знаешь, как называется этот сериал? – съязвила я, присаживаясь рядом.

– М-м, кажется, «Первые поцелуи», – Ольга полезла в газету. – Нет, оказывается это «Элен и ребята», а «Первые поцелуи» были утром. А что?

– Да нет, просто удивляюсь как ты можешь смотреть все подряд по ящику.

– А что? Я набор уже закончила, могу немного и отдохнуть, – гордо сказала Ольга.

– Набор, говоришь, – усмехнулась я, бросив взгляд на старенькую «двойку», которая стояла на письменном столе. – А разве ты стала играть в «тетрис»? Что-то я раньше за тобой не замечала.

– Это Валя играет, – отозвалась моя сестра. – Представляешь, вчера набрала тысячу очков. А сегодня уже полторы тысячи!

– Вчера? – удивилась я. – Так она что, каждый день к тебе приходит?

– Нет, просто Валя у меня остановилась, – как-то неуверенно произнесла Ольга. – Пусть немного поживет, а там посмотрим...

– Остановилась? Немного поживет? – переспросила я, заподозрив недоброе. – Ты что, решила сдавать квартиру с хозяйкой?

– Да нет, никакого объявления я не давала, – еще больше замаялась Ольга и потому начала слегка злиться. – Валя появилась сама. Знаешь, это, наверное, судьба, знак какой-то что ты можешь сделать доброе дело. Она сидела у подъезда, вся такая жалкая, потрепанная, а в глазах светится надежда... Спросила зажигалку, а я ведь не курю. Ну, я и позвала ее пройти, предложила чаю, а там мы разговорились... Валя оказалась круглой сиротой и я решила, что просто обязана ей помочь.

– Паспорт-то хоть видела? – спросила я, стараясь не взорваться от гнева.

– Нет, мне и в голову не пришло спросить у нее документы, – как ни в чем не бывало ответила Ольга, окончательно смутившись. – Ну и что тут такого? Почему ты вмешиваешься, собственно говоря?

– Потому что ты мне сестра и я не хочу, чтобы проблемы этой сиротки стали твоими проблемами. Теперь я окончательно убедилась, что ты сама еще ребенок и о тебе должен кто-то заботиться и наставлять уму-разуму, чтобы ты не подбирала на улицу всякую шушери, – рявкнула я. – Если ты такая сердобольная, то пройдишь как-нибудь возле вокзала, там этих синюх полное лукошко собрать можно. Подумайте, какие мы чувствительные!

Пока Ольга краснела и собиралась мне что-то высказать, наверное упрекнуть меня в бессердечности, я быстро встала и прошла на кухню, вслед за юркнувшей туда после ванны подозрительной гостьей.

Глядя как это молоденькое чучело с какими-то железяками в ушах, которые оно наверняка считает серьгами, носит халат моей сестры и с аппетитом поглощает голландскую печень трески, которую я самолично привезла в прошлый раз для Ольги, я не сдержалась и, наплевав на приличия, довольно бесцеремонно поинтересовалась:

– Вы тут надолго решили обосноваться? И как вообще вы познакомились с моей сестрой?

– М-м... – быстро вытерла губы Валя и протолкнув в пищевод кусок бутерброда с печенкой, ответила не совсем точно: – Оля такой сердечный человек... А я, знаете ли, сирота... И тут такие проблемы...

«Какие такие проблемы?» – хотела спросить я, но тут в дверь позвонили.

Тут я сделала ошибку. Вместо того, чтобы пойти в коридор вместе с сестрой, я осталась на кухне, продолжая выпытывать Валю, что ей тут нужно.

– У вас документы какие-нибудь имеются? – спросила я как можно строже.

Но Валя уже не воспринимала обращенные к ней вопросы, она напряженно прислушивалась к тому, что происходит сейчас в коридоре.

– Нашел! – раздался какой-то удивительно наглый голос, одновременно самоуверенный и угрожающий. – Так эта сука у тебя прячется?

Рука с бутербродом застыла возле рта, потом намазанный гусиной печенью хлеб упал на пол, и Валя в ужасе зажала рот ладонью. Потом незваная гостья стала оглядываться, словно загнанный зверь и даже попыталась, тихо охая залезть под кухонный столик, бормоча при этом: «они меня убьют, они меня сейчас будут убивать!»

Я поняла, что срочно требуется мое вмешательство и рванулась в коридор. Что за дура моя сестрица, сколько раз я твердила ей: не открывай дверь, пока не посмотришь в глазок, а если лень нагибаться к дырочке, то хотя бы спроси «кто там?». Бесполезно, как об стенку горох. А ведь кандидат наук, дипломированный психолог, в газетах про нее писали, научные статьи в иностранных журналах публикует. А сама хуже ребенка, право слово!

На пороге, предупредительно вставив ботинок в зазор между дверью и косяком, стоял высокий детина, на вид подросток, но такой, словно уже побывал в зоне для малолеток. Ольга что-то бормотала типа «а что, собственно, вы хотели бы...», но пока она формулировала эту интеллигентскую чушь, парень уже понял, что можно не особенно церемониться и, поднажав на дверь, вошел в прихожую.

– Ты кто такой? – громко спросила я, оттесняя плечом Ольгу.

– Ну Зуй, – процедил детина. – Так у вас эта шлюха или нет?

– Подожди, – упрямо покачала я головой, – вот так врываться и накатывать ты не будешь, ясно? Хочешь говорить, давай говорить по-хорошему.

– Ах по-хорошему, – передразнил меня Зуй. – Ну так слушай, раз ты такая конкретная, тебе щас будет интересно. Эту девку я снял в баре, все было тип-топ, а наутро она от меня усвистела.

– Ты чего-то не досчитался из вещей? – предположила я деловым тоном.

– Не-ет, – Зуй покачал головой так, словно собирался сообщить нам нечто настолько жуткое, что банальная кража при таком раскладе просто не принималась бы в расчет. – Скорее наоборот.

– Я. Тебя. Не понимаю, – вразбивку произнесла я. – Либо мы говорим, либо...

– Я не знаю, почему она сбежала, – Зуй говорил тихо, но я видела, что он буквально кипел яростью, еще чуть-чуть и взорвется, – это я щас с ней выясню. Но она кое-что у меня забыла.

– Так вы пришли вернуть ее вещь? – вдруг подала голос Ольга.

– Ага, с доставкой на дом, – издевательски отозвался Зуй. – Слушайте, да вы, по-моему, еще не въехали, кто у вас пасется. В общем, она мне кое-что на конец повесила, теперь ясно? Справочка у нее в сумочке имеется такая, что закачаешься!

– Справка из вендиспансера? – со вздохом спросила я. – Сифилис, гонорея?

– Какой сифилис?! Плевать мне на сифилис! СПИД у нее, понятно? – заорал Зуй. – Да за такое голову оторвать мало! Это ж статья!

– Так, все ясно, – произнесла я, стараясь говорить спокойно. – Это действительно серьезно, но давай не будем кричать. Сейчас мы во всем разберемся. Только сначала скажи, как ты ее вычислил.

Зуй уже вытягивал голову, слышав шорох на кухне. «Неужели ей удалось залезть под стол? – подумала я. – При ее комплекции вполне вероятно, но с таким же успехом она может

забраться на шкаф в надежде, что ее там не увидят. Прямо как страус, ей-богу! И эта деваха надеется, что тут ее будут защищать?»

– Да ничего я не вычислял, – торопливо проговорил Зуй, обращаясь ко мне. – Мне сказали, что Вальку видели тут возле этого подъезда, бабу описали, которая с ней была, ну я и крутился какое-то время поблизости. Увидел тебя сейчас, как ты к подъезду шла, решил, что это сеструха твоя – вы ведь близняшки – ну и пошел за тобой. Так что все просто и давайте кончать базар. Где вы держите эту курву? Я сейчас ей ноги отрывать буду?

И Зуй начал продвигаться вперед по коридору, тесня своей грудью Ольгу. И вместо того, чтобы пропустить парня – как никак он в своем праве, тут уж ничего не попишешь – моя сестра вдруг решила проявить чудеса героизма. Нашла время, называется!

Наверное, с таким лицом Александр Матросов бросался на амбразуру. Ольга даже зажмурилась глазами, когда перекрыла дорогу парню, успев выставить в стороны растопыренные руки и упереть их в стены. Но выполнять роль живой преграды ей показалось мало и сестренка с силой ткнулась своей макушкой в живот Зуя.

Это окончательно разозлило и без того разгневанного визитера. Он схватил Ольгу за плечи и с силой отшвырнул ее в угол. Падая, сестра сшибла полочку возле зеркала, на которой почему-то стояла раскрытая пачка чая – крупнолистовой «липтон» осыпал ее с ног до головы, когда она приземлилась возле тумбочки.

«Ах так! – разозлилась я. – Ну держись, переросток! Пусть эта девка виновата, но бить свою сестру я никому не позволю!»

Для начала я впиалась ему пальцами в то место, где плечо переходит в шею. Болевая точка была нащупана за десятую долю секунды, я еще поднажала ногтями для того, чтобы усилить впечатление.

Взвыв от боли, Зуй обернулся ко мне, готовый сокрушить все, что под руку попадется. Этого-то я от него и добивалась – в таком состоянии человек плохо соображает и не способен на быструю реакцию.

Сделав обманный жест рукой – Зуй купился на этот маневр с удивительной наивностью – я левой ткнула его костяшками пальцев в кадык, а когда он, захрипев, поднес руку к горлу, врезала носком ботинка чуть ниже колена (хорошо, что не разулась!) и сразу же ребром ладони за ухом. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы Зуй рухнул на пол и на непродолжительное время выключился из реальности. Теперь можно было нам втроем более-менее спокойно обсудить сложившуюся ситуацию и...

– Что здесь происходит?

«Ну вот! – сокрушенно подумала я, глядя как в квартиру входит ошеломленная Ираида Сергеевна. Черт, ведь я совсем упустила из виду, что дверь оставалась открытой – Сейчас начнется».

Наша матушка, очевидно, снова оставила детей Ольги на попечение своего приятеля, а сама решила навестить дочь. И, застав в квартире сцену побоища, Ираида Сергеевна не без удовольствия решила воспользоваться случаем и сказать нам все, что она о нас думает.

– Я прихожу, можно сказать, к себе домой, – говорила она, всплескивая руками, – и что же я вижу? Вот так вы меня встречаете, да? Ну спасибо, доченьки, удружили! Пока я трачу свое время на внуков, вы тут черт-те чем занимаетесь! Во что вы превращаете квартиру, хотела бы я знать, а? И какими вырастут ваши дети, если в доме их родителей творится такое безобразие!

– Просто ты пришла не очень вовремя, мама, – процедила я сквозь зубы.

– Спасибо, – обиженно отозвалась Ираида Сергеевна. – Но раз я пришла, то, может быть, вы все же соизволите объяснить мне что тут творится?

В это время из кухни высунулась Валя и, увидев в коридоре распростертого на полу Зуя и незнакомую женщину, снова скрылась за дверью.

– Оля, что делает здесь эта вульгарная девица? – нахмурилась Ираида. – И почему ты, Поля, избиваешь этого мальчика?

Сердобольная мама наклонилась к Зую. Подняв его за подбородок, она оценивающе посмотрела на его лицо и слегка потрепала по щеке.

– Мама, – проговорила я предостерегающим тоном, – я знаю, что вам нравятся молодые люди именно такой комплекции, но этот тип вам не пара. Во-первых, он уголовник, во-вторых, у него СПИД.

Зуй стал понемногу приходить в себя. Но когда он открыл глаза и увидел склонившееся лицо моей матушки, которая, вдобавок, потрепала его по щеке и услышал слово СПИД, то попытался «продолжить тему».

Впрочем, ему это не удалось, да и я бы не позволила ему тут распрягаться. Зуй с трудом приподнялся и, держась за стенку, попробовал сделать шаг вперед, но чуть не упал. Тогда он сдался.

– Хорошо, щас я сваливаю, – с трудом проговорил он, – но я скоро вернусь. Вы усekli? И тогда разговор будет совсем другим...

– А не надо было нарываться, – гаркнула я ему в спину, – снизил бы обороты сначала, а потом уже претензии заявлял, ясно?

Зуй спускался по лестнице, бормоча какие-то невнятные угрозы. Я захлопнула дверь и прошла в комнату. На душе у меня было беспокойно. Он, конечно же, вернется. И, скорее всего, не один. Вопрос только в том – когда и с какими намерениями.

Пока я «проводжала» Зуя Ольга успела рассказать матушке ту же самую историю, что и мне. Теперь Ираида Сергеевна с наслаждением отчитывала дочь, ораторствуя, словно лектор на трибуне.

Я решила, что для меня будет слишком при всем этом присутствовать и прошла на кухню. Валя встретила меня вопросительным взглядом, в котором испуг был перемешан с надеждой, но сейчас я была не настроена с ней разговаривать. Я лишь буркнула:

– Сиди тихо и не вздумай никуда убегать. Сейчас мама уйдет и мы поговорим.

Я уселась и закурила, заметив время на циферблате настенных часов. Ираида Сергеевна уложилась в семь с половиной минут и ушла не попрощавшись.

Когда я выглянула в зал, то застала сестру в полном упадке. Ольга сидела на диване, поджав колени ко лбу и закрывала руками затылок, словно защищаясь от удара. Стоило мне присесть с Ольгой рядом и лишь дотронуться до ее плеча, как она разразилась рыданиями.

– Ну ты слышала? Ну ты видела? – бормотала Ольга сквозь слезы. – И это наша мама! Обратила внимание на то, как она молодеет после скандалов? Это же самый настоящий энергетический вампир!

– «Вампир», – передразнила я ее. – Надо меньше книжек читать! Ты сама, мать, хороша: обложились всякой эзотерической попсой, специалист, блин, экста-класса! А в дом пускаешь первого встречного.

Зря я на нее наехала, конечно, но уж просто не смогла сдержаться. А, может быть, смутно ощущала, что по отношению к матери Ольга не так уж неправа. Действительно, Ираида Сергеевна прямо-таки тащила от подобных сцен, это я еще с детства помню...

Рыдания Ольги плавно и неизбежно перешли в форменную истерику. Теперь Ольга уже не могла говорить – дыхание перебивалось судорожными всхлипами, которые все учащались и учащались.

Я сбегала к шкафчику за снотворным и, растолкав в ложке таблетку люминала, дала Ольге запить порошок теплым крепким чаем. Потом обняла за плечи и, осторожно приподняв, довела до постели. Укрыв сестру толстым пуховым одеялом, я посидела с ней немного, держа за руку и осторожно поглаживая ее запястье.

Нечто подобное я уже видела, только в более тяжелой форме. Когда Ольга развелась с мужем, у нее был самый настоящий нервный срыв. То часами сидела, вся заторможенная, в одну точку смотрела, то рыдала – и тоже часами, даже не знаю, что было хуже.

Ну вот, кажется, утомилась. Тихонько встав с постели, я вышла из спальни, стараясь, чтобы не скрипели половицы. Теперь, кажется, настала моя очередь дать волю накопившим эмоциям – я была зла на всех! На маму-садистку, на сестру-рохлю, на этого бесцеремонного подростка и, само собой, на незваную гостью.

Я прошла на кухню, плотно закрыла за собой дверь и уже собиралась выдать Вале по полной программе. Так, чтобы мало не показалось!

Но как только я увидела ее глаза – глаза приговоренного к смерти человека – моя злоба куда-то улетучилась и вместо нее нахлынула оцепеняющая усталость. Сейчас мне уже было все равно и я хотела лишь до конца разобраться в этой ситуации, чтобы принять решение.

– Ну давай милочка, колись по-быстрому, – произнесла я, словно заправский следователь. – Я тебе зла не желаю, но не хочу, чтобы у моей сестры из-за тебя были неприятности. ты усваиваешь? Ну вот и славно. Так что выкладывай: кто хочет тебя убить и кто такие «они»?

– Так вы же слышали, что Зуй говорил, – начала было вешать мне лапшу на уши Валя.

– Не зли меня! – прикрикнула я на нее и стукнула ладонью по столу так, что чашки жалобно задрожали. – Уши у меня имеются и я слышала не только это. Когда ты в испуге пыталась забраться вот под этот стол, ты четко дважды сказала: они меня убьют. Ну?

– Речь идет о моих хозяевах, – закрыв глаза, с таким видом, как будто она прыгала в пропасть с обрыва, произнесла Валя.

– Конкретнее!

– Я... я была у них домработницей. Это был ад, сущих ад... Я и продержалась-то всего ничего... Они думает, что я у них брошку украла, обещали настучать в агентство, а у меня и так с пропиской... – торопливо верещала Валя, умоляюще глядя на меня.

– У тебя правда СПИД? – спросила я Валентину, закуривая «мальборо».

Заметив как девушка покосилась на мою пачку с щелчком выбила из нее сигарету и протянула девушке. Трясущимися руками она выбила огонь из зажигалки и, глубоко затянувшись, часто-часто закивала головой.

– Кололась? Или без презерватива трахалась? Впрочем, мне все равно. Значит так, – констатировала я. – Сейчас ты быстро-быстро собираешься и быстро-быстро уходишь. Свои проблемы надо решать самой.

Табак, впрочем, придал Вале некоторой бодрости. С силой выпустив дым, она глянула на меня исподлобья и решила, что стоит немного поднять себя в моих глазах. Откинув с лба прядь крашенных волос, она проговорила, как мне показалось, даже не без вызова:

– У меня просто безвыходное положение! У меня никого нет в этом мире, понимаете – никого! Нет, вы не сможете этого почувствовать, вы...

– Полина! – раздался визгливый крик из коридора и дверь кухни с силой распахнулась, подавшись на рывком со второго этажа.

На пороге стояла полувменяемая Ольга, закутавшись в одеяло. Она была на грани сна и бодрствования – истерика прошла, но забытие еще не наступило. Услышав, что мы беседуем с Валей, моя сестра решила высказать свое веское слово и через силу доковыляла до кухни.

– Н-не смей ее гнать! – Ольга пыталась придать своему запинаящемуся голосу уверенную интонацию. – СПИД, между прочим, не передается бытовым путем, это сейчас каждому ребенку известно.

– А тебя не спрашивают, – заорала я на нее. – Ты чего вскочила? Кто тебя сюда звал? Ты сама – ребенок и, между прочим, у тебя дети тут живут. Если Ираида взяла их на дачу, то это же не навсегда!

– Н-не смей на меня орать! – попыталась крикнуть Ольга. – Это мой дом!

– А твой бывший муж? – продолжала я наседать. – Он что, будет на седьмом небе от такого подарочка? Как ты вообще собираешься кому-то объяснять присутствие у тебя в квартире этой... этой...

– Я сказала! – притопнула ногой Ольга. – Валя останется здесь!

Тут она покачнулась и схватилась за косяк, чтобы не упасть. Похоже, люминал начал оказывать свое благотворное действие и я снова препроводила ее в спальню и вернула на исходные позиции.

– Обещай мне, что ты ее не выгонишь! – напоследок крикнула Ольга.

«Все, сил моих больше нет! – решила я. – Пусть делают, что хотят. Если сестра решила идти на принцип – черт с ней, пусть сама расхлебывает!»

– Я сейчас ухожу, – сказала я, вернувшись в кухню. – А ты, сирота казанская, если не хочешь на свою задницу неприятностей, уматывай как можно быстрее – мой тебе совет. Все ясно, повторять не надо?

И, не дождавшись ответа, я выскочила из квартиры, громко хлопнув дверью. Ольга наверняка проснулась от такого звука, раз уж ее только что вернул к жизни мой хлопок ладонью по столу, – ну и пусть!

Подумаешь, какие мы упрямые! А все потому, что знает, что неправда, и назло всем и себе в первую очередь, теперь упорствует! Ну и ладно, пусть сама выпутывается, если такая умная. Мне-то что!

Не будет с этой Валею проблем – вот и хорошо, будут проблемы – Ольга в очередной раз поймет, что ее старшая сестра, то есть я, как всегда оказалась права. Да-да старшая, пусть хоть на три минуты!

Эти мысли безостановочно крутились у меня в голове, когда я ехала домой. Меня не оставляло ощущение, что все не так просто в этой истории. Валю кто-то здорово напугал, это факт! И чутье подсказывало мне, что дело тут вовсе вовсе не в брешке...

Уже подъехав к дому и притормозив у самого подъезда, я вдруг поняла, что возвращаться к себе мне на самом деле вовсе не хочется. Отрицательные эмоции, которыми я была переполнена в свой законный выходной, требовали хоть какой-то компенсации. Быстро прикинув в уме, какое «живое лекарство» мне сейчас лучше использовать, я развернула автомобиль и поехала к бабушке.

Евгения Михайловна Снегирева всегда хорошо на меня действовала – ну право же, как будто она была мне родной матерью, а не Ираида Сергеевна. Видите, я даже матушку зову про себя исключительно по имени-отчеству, а вот бабушка – о, это особый случай.

Не хочу говорить плохо про маму – у нее была своя жизнь, в конце концов, и остаться на руках с двойней молодой женщине – не сахар. Отец нас бросил – звучит столь же грустно, сколь и банально.

Нет-нет, вовсе не сразу после рождения, как можно было бы предположить. Хотя, если призадуматься, то гораздо раньше. Дело в том, что Андрей Витальевич по профессии был тележурналистом, а по складу характера – типичным плейбоем. Частые командировки, длительные отсутствия, не всегда документально мотивированные, стремление постоянно вовлекать в свою орбиту новое, преимущественно женское окружение, карьера, перспективы – и вдруг двойня. Да такого просто быть не могла в жизни Андрея Витальевича, ни в какие графики не влезало! Сидеть дома, помогать жене, возиться с детьми? Полностью исключено.

А тут подвернулась полугодовая заграничная стажировка, а вслед за ней – работа по контракту, а там уж новая пассия объявилась. В общем, пару раз за год папа мелькнул на орбите и был таков. В настоящее время Андрей Витальевич живет в Москве, изредка мелькает по телевизору. А его общение со мной и Полей ограничивается поздравлениями с днем рождения, причем через раз.

Если бы не бабушка, то я просто не знаю, как бы мама нас выходила. Надо сказать, что Ираида Сергеевна – человек своеобразный и вполне самостоятельный. Двойня на руках молодой женщины, которая только-только начала находить вкус в жизни, да еще в отсутствие мужа – это испытание, которое под силу не каждому. Матушка сперва пыталась найти мужа через брачные агентства, но, запутавшись в объявлениях и анализе достоинств и недостатков женихов временно прекратила эти попытки. Впрочем, она периодически возобновляла их даже сейчас, когда выгоняла очередного бой-френда и вакантное место оказывалось пустующим.

В общем, в дело нашего воспитания вынуждена была включиться бабушка, причем со стороны мужа, если быть точной. Впрочем, я не права, «вынуждена» – это из другой оперы. Евгения Михайловна взялась за наше воспитание не из чувства долга, не принося себя в жертву, а просто потому, что ей так хотелось. И могу сейчас сказать положила руку на сердце – всем хорошим, что во мне есть, я обязана ей. Думаю, что тут и Полина меня поддержит.

Евгения Михайловна была, что называется, «из бывших» и это до сих пор сквозило в ее поведении. Даже курила она как-то по особенному. В чем тут секрет – не пойму, но даже в манере держать папиросу, затягиваться и выпускать дым чувствовалась порода.

Наверное, тут сказывались материнские гены – отец Евгении Михайловны был из купцов, а в жены взял себе девушку из обедневшего дворянского рода. Революция жестоко обошлась с ее родными – отец пропал, буквально испарился, мужа посадили и домой он так и не вернулся. Впрочем, и возвращаться уже было бы некуда – дом реквизировали и бабушка вместе с малолетней Ирой долгое время скиталась по знакомым, пока ей не перепала комнатуха.

Как Евгения Михайловна умудрилась уцелеть среди этой жуткой круговерти – ума не приложу. Повернись ее судьба по-другому, не миновать бы лагеря и ей, а дочери (то есть, нашей маме) светила бы прямая дорога в детский дом на социалистическую перековку.

Когда я приехала к Евгении Михайловне, то попала прямо за стол – у бабушки был гость. Явление это было довольно странным – бабушка, конечно, была вполне светским человеком, но ее круг общения ограничивался соседями и нашими визитами. А тут сидит у нее какой-то подозрительный тип с выправкой военного и повадками дипломата и держит себя так, словно бабушка ему чем-то обязана. И в разговор со мной гость вступает нехотя, на вопросы «да, нет», слова лишнего не скажет.

Ну, думаю, денек однако выдался. Куда не зайдешь – кругом незнакомые люди! Ладно, думаю, седи, раз пришел. Бабушка знает, что делает, она ведь не Ольга, у Евгении Михайловны голова неплохо варит, несмотря на солидный возраст (она ведь 1912 года!).

– А Ира уже у меня побывала, – сказала бабушка, отхлебывая чай и хитро прищуриваясь. – Сама понимаешь, в каком она состоянии.

– Очень вкусный чай, бабуля, – невозмутимо отозвалась я. – Это с бергамотом?

Задавая этот вопрос, я незаметно скосила глаза на гостя – стоит ли обсуждать наши семейные проблемы в присутствии посторонних?

Бабушка поняла мой маневр и быстро свернула тему. Она вернулась к разговору с посетителем и дала понять, что его визит подходит к концу. Тот стал быстр откланиваться, бабушка проводила его до передней и мне было слышно, как они о чем-то договаривались между собой. Наконец, дверь хлопнула и бабушка вернулась в гостиную.

– Так что там у вас? – спросила бабушка с добродушным вздохом.

Я в двух словах изложила историю а Вале, стараясь не нагнетать напряжения, но и ни о чем не умалчивая – бабушка должна знать всю правду, а мои эмоции тут в расчет не принимались.

– Понятно, – кивнула бабушка. – Вот что значит внятный рассказ. А то Ира кричала, руками махала и я так ничего и не поняла, хотя она просидела у меня с полчаса. Да что я говорю – «просидела»! Бегала по комнате, словно мышь в ловушке!

– Ну и что ты теперь обо всем этом думаешь? – спросила я Евгению Михайловну.

Когда я задавала этот вопрос, мной двигало отнюдь не чувство вежливости. Дело в том, что бабушка обладала потрясающим – думаю, что врожденным, если такое бывает, – чувством здравого смысла и умением оценить ситуацию с наиболее верной точки зрения.

– Я тебе так скажу, – начала бабушка, с удовольствием разминая папироску «богатыри» и вставляя ее в длинный янтарный мундштук, – ты Оле не мешай. Погоди, не перебивай, я еще не закончила. Твоя сестра все делает правильно. Ей сейчас надо о ком-то заботиться, понимаешь? Дети – разговор особый, я уже договорилась с Ирой, что ребята поживут у нее на даче недельку-другую.

Бабушка словно бы предупреждала мои вопросы, отвечая на них еще до того, как я собиралась их произнести. Я чувствовала сердцем, что Евгения Михайловна права, но мой рассудок отказывался это принимать.

– Ну ладно, раз ты так считаешь, – пожала я плечами, – то покамест закроем эту тему. Скажи-ка мне лучше, что это за гость у тебя был?

– Это психотерапевт, – быстро ответила Евгения Михайловна.

Я совершенно ясно видела, что бабушка не очень настроена говорить со мной о своем визитере, и это обеспокоило меня еще больше. Ей-то зачем психотерапевт? Ей, у которой я просто отдыхаю душой и к которой я приехала набираться доброй энергии, как выражается моя прибабахнутая на эзотерике сестрица?

Евгения Михайловна поняла, что так просто от меня не отделаешься и вынуждена была объяснить причину появления в ее доме столь странного специалиста. То, что она сказала, несказанно удивило меня.

– Видишь ли, Поля, – начала он неторопливо, тщательно подбирая слова, – меня много лет подряд преследует один и тот же сон. Да-да, это так и дело тут не в возрасте и не в старческих причудах. Я понимаю, что это звучит смешно, но порой многие наши чувства кажется смешными, когда мы пробуем их описать, правда?

Я внимательно слушала Евгению Михайловну, тщательно следя за тем, что она говорит и как она это делает. Нет, никаких признаков, прости господи, маразма. Все очень здраво, четко и убедительно.

– Меня с поразительной настойчивостью посещает одно и то же видение, – продолжала бабушка. – Обычно это бывает под утро. Я вижу все так ясно, как будто это происходит наяву. Снится мне детская в старом особняке, где мы раньше жили. Все очень явственно, очень четкие краски, лица, как на фотографиях. Даже звуки, представляешь! Вот я слышу шорох, вот няня на сундуках храпит...

Выражение ее лица при этом было настолько выразительным, а взгляд таким глубоким, что в эту минуту мне показалось, что я на секунду заглянула в ее сон. От бабушки не укрылась моя заинтересованность и в уголках ее морщинистого рта мелькнула улыбка.

– Я – маленькая и лежу в своей кровати. Надо мной склоняются лица, я вижу мать и деда. Того самого купца Снегирева, – помнишь я тебе говорила? – который сгинул невесть куда в восемнадцатом. Я притворяюсь, что сплю и они, кажется, не подозревают, что я наблюдаю за ними сквозь неплотно сомкнутые ресницы. Они отходят от кровати и я их больше не вижу. Только по отблескам понимаю, что мама держит в руке свечу, прикрывая пламя ладонью. И они что-то делают в комнате. Мне очень страшно и я боюсь пошевелиться, так как знаю, что если они поймут, что не сплю, то будут сильно меня ругать.

– И что же дальше?

– Это все, – с какой-то подавленной грустью улыбнулась бабушка. – Я не знаю, как тебе это объяснить, но сон этот для меня очень страшный. Тени, отблески свечного пламени на чугунных подвесках фамильной люстры под потолком, какие-то шорохи...

– Понять стороннему слушателю, действительно, трудновато, но мне кажется, я что-то смогла почувствовать, – сказала я, с трудом переводя дух, так на меня подействовал рассказ бабушки. – Скажи, бабуля, ты думаешь, что тут кроется какая-то тайна, да?

– Это первое, что приходит на ум, – кивнула Евгения Михайловна. – Да, можно предположить, что этот сон что-то означает. Это может быть какой-то намек, причем зашифрованный, какое-то сообщение моего организма, которое я не могу внятно растолковать.

– А ты пробовала заглядывать в какие-нибудь сонники? – сразу предложила я выход, но бабушка лишь скептически усмехнулась на мои слова.

– Если под пятницу вам приснился присяжный поверенный, то это к свадьбе, – иронически проговорила бабушка. – Или что-нибудь более современное, ведь должны же составители учитывать современные реалии. Например: если приснилось, что у вас завис компьютер, то это к тому, что введут почасовую оплату телефонных услуг.

– Бабуля! – всплеснула руками. – Откуда ты все это знаешь?

– Я читаю газеты, – спокойно ответила мне бабушка. – Это реалии современной жизни, детали, а вкус эпохи можно почувствовать именно в деталях.

– То есть сонники ты сразу отмечаешь, – уточнила я. – Тогда что может помочь?

– Видишь ли, внучка, я настроена более рационально, – проговорила бабушка, затушив папиросу в глубокой пепельнице. – Значение этого сна интересует меня постольку, поскольку этот сон мешает мне спокойно спать, как это ни парадоксально прозвучит.

– То есть?

– Я просыпаюсь после него в холодном поту, – спокойно произнесла Евгения Михайловна. – Сон повторяется в последнее время все чаще и чаще, и после него я уже не могу заснуть. В пять утра – не очень приятный подарок от собственного подсознания, правда?

– А лекарства?

– Еще чего! – фыркнула бабушка. – Никаких снотворных! я семьдесят с лишним лет прожила без снотворных и не собираюсь на старости лет заводить дурные привычки. Впрочем, избавляться от уже имеющихся тоже.

И Евгения Михайловна кивнула на пепельницу с аккуратно уложенными окурками папирос.

– А главное ощущение такое, – продолжала бабушка, – кажется, стоит вспомнить, что происходило в комнате – и тревога пройдет.

– И ты решила...

– Совершенно верно, – снова кивнула бабушка. – Когда у меня течет кран, я вызываю сантехника. Когда у меня ломается пылесос, я иду в мастерскую. А тут я обратилась к психотерапевту. Я считаю, что в любом деле есть специалисты, которые могут помочь, если что. Знакомая порекомендовала мне хорошего врача, вот мы и поговорили с ним немного. Пока результат нулевой, но я поставила перед ним проблему и он будет ее решать.

– Знаешь что, бабуля, – неожиданно пришла мне в голову блестящая идея, – а давай немного покатаемся? Давай я свожу тебя посмотреть на «наш» дом? Это ведь у черта на куличках, верно. Ты наверняка не была там сто лет! С твоими-то ногами на транспорте... А там, глядишь, может, что и вспомнишь. Поехали?

«Ниссан» остановился возле двухэтажного особняка, который располагался довольно далеко от центра. Когда-то этот район занимали вишневые и яблоневые сады, среди которых там и сям стояли хорошенькие домики – частные владения богатых людей, которые хотели жить на природе, но и так, чтобы в любой момент можно было быстро оказаться в городе, если этого требовали дела.

От этой было роскоши осталось всего две с половиной постройки, из них жилая – одна, вторая отведена под гараж, третья лежала в развалинах.

– А ведь я помню этот дом свежевыкрашенным, – мечтательно проговорила бабушка, выглядывая из окна автомобиля. – Интересно, что тут теперь располагается? Внизу, вроде бы, как-то погрязнее, а вот второй выглядит очень даже неплохо.

– Так давай выйдем и посмотрим поближе, – предложила я. – Может быть, нас пустят и внутрь, кто знает. Во всяком случае, мы ничего не теряем.

– Н-да, – проговорила бабушка, всматриваясь в фасад и прикрывая глаза ладонью козырьком, – что-то такое смутное мерцает, но точного расположения комнат я сейчас и не припомню. Где же была детская? Внизу – столовая, это точно, вдоль по коридору комната няни... Или это было сначала, а потом ее переселили наверх?

Мы медленно подошли к дому и я дернула за ручку двери. Она легко подалась и чуть приоткрылась, словно приглашая нас войти.

Бабушка первой переступила порог и остановилась в недоумении покачивая головой.

– Нет, сейчас, конечно, тут все не так. Перепланировка была, что ли? Веревки какие-то висят, белье. Похоже на коммуналку, правда?

– Может быть, так оно и есть, – пожала я плечами. – Уплотнение и все такое. При большевиках же часто селили кучу народа в дом, который раньше занимала всего одна семья. Так, наверное, произошло и здесь.

– Надо навести справки у краеведов, – резонно заметила бабушка. – О, а вот и лестница. Надо же, перила те же самые, я помню эти чугунные завитки. Слушай, раз уж мы здесь, давай поднимемся?

Пока мы не спеша брели вверх, бабушка философствовала на свой лад:

– Вот, говорят, что есть память рассудка, память сердца... А есть еще и память ног и рук. Да-да, я когда сейчас дотронулась вот до этой шишечки, то вспомнила, как однажды упала с верхней ступеньки – бежала за мячиком и оступилась. Тогда я расквасила себе нос и долго рыдала, мне лед прикладывали... Поверишь ли, никогда об этом не вспоминала, а вот сейчас словно...

– Что вам здесь надо? – раздался пронзительный голос сверху.

Мы подняли головы. Со второго этажа свешивалась женская голова с кудрявыми завитками – человек перегнулся через перила и недружелюбно наблюдал, как мы с Евгенией Михайловной ковыляем по лестнице.

– Понимаете, – начала я объяснять причину нашей бесцеремонности, – мы...

– Здесь вам не проходной двор, а частное владение! – словно не слыша меня, продолжала кричать женщина. – Вы вообще откуда? Кто вас сюда послал? Снова денег просить? Ни копейки не получите сверх того, что вам причитается по договору. Расписались? Задаток получили? Теперь ждите! Я купюры не печатаю и милостыню не подаю!

– О каких деньгах вы ведете речь, милочка? – с достоинством спросила бабушка.

– О рублях, вестимо, – передразнила ее визгливая женщина. – Долларов не дождетесь!

– Тогда о каком частном владении вы говорите, сударыня? Извольте объясниться? – надменно поинтересовалась Евгения Михайловна.

– Об этом самом! – для пущей убедительности женщина постучала кулаком по перилам. – Мы с мужем весь этаж купили, расселили этот клоповник, который тут устроили и никого на своей территории не потерпим. А что до препонов, которые нам чинят власти касательно первого этажа, так это они взятки хотят! И мы дадим, обязательно дадим! Но добьемся, чтобы расселили и первый этаж! Мы уже покупаем квартиры бедным людям, не в центре, конечно, но все равно условия не сравнить с этими. А никто не ценит! А все хотят невесть чего! Вот вы, например. Есть у вас горячая вода или нет? Отвечайте?

– Горячая вода у меня есть, – с достоинством ответила бабушка.

– А ванная?

– Разумеется, – так же спокойно проговорила Евгения Михайловна.

– Тогда за каким хреном вы сюда приперлись? Вам что, мало, да?

– Мне... – начала бабушка, но тут я заметила, что Евгения Михайловна не может говорить. Не может она и стоять так же прямо, как и минуту назад – ее рука непроизвольно схватилась за сердце.

«Ну вот, стерва, довела старую женщину, – подумала я, подхватывая бабушку под руки и усаживая на лестничную ступень, – Устроила я бабушке увеселительную поездку, что и говорить!»

– Что здесь происходит? Я слышал какой-то шум... – на площадке второго этажа появился молодой человек. Он выглядел очень обеспокоенным.

– Это кто? – ткнула я пальцем в направлении исчезнувшей женской физиономии.

– Это? – переспросил незнакомец и почему-то улыбнулся. – Это моя жена.

– Так вот скажите ей, что могла бы вести себя повежливее с пожилыми людьми, – рявкнула я. – Человек, можно сказать, пришел посмотреть на дом, в котором прошло его детство, а вы...

Молодой человек тут же спустился к нам сверху и остановился возле бабушки. Присев перед ней на корточки он даже умудрился опуститься на одно колено, несмотря на свой безумной дорогой костюм. Так что сейчас он выглядел таким рыцарем, ни дать ни взять.

– Ради Бога, простите меня... нас, – поправился он тут же. – Мы думали, что это жильцы, которые недовольны условиями расселения. Вы представить себе не можете, сколько хлопот нам приходится на себя брать. Нас, конечно, это не извиняет, но все же...

– Ничего-ничего, – милостиво кивнула ему бабушка. – Считайте, что ничего не было.

Она протянула ему руку как бы предлагая помочь ей привстать, одновременно как бы предполагая рукопожатие, а то и поцелуй. К чести молодого человека надо сказать, что сначала он помог ей подняться, а потом, склонившись, на секунду припал губами к ее ладони. И выглядел этот жест в его исполнении очень естественно.

– Разрешите представиться, – поправил он слегка сползшие очки в золотой оправе, – Владимир Знаменский, нынешний владелец этого дома.

– Евгения Михайловна Снегирева, бывшая владелица этого дома, – с удовольствием произнесла бабушка. – Впрочем, я не успела вступить в права наследования, так что... Впрочем, это уже не важно.

– Ну почему же, – улыбнулся Знаменский. – Просто у нас не приняли вовремя соответствующие законы. Скажем, в Чехии президенту Гавелу пришлось уступить свою резиденцию человеку, который предъявил задокументированные права на строение. Так что, кто знает...

– Нет-нет, у нас это нереально, – покачала головой Евгения Михайловна. – Знаете, я просто хотела бы... Извините, мне как-то не по себе...

– Сердце? – забеспокоился Володя. – Вы что пьете – валидол, корвалол? Даша! Кликни, пожалуйста домработницу, пусть залезет в аптечку, спустится и принесет нам сюда пузырек корвалола!

– Я рассчитала домработницу! Еще вчера вечером! – донесся до меня голос Даши.

– Дорогая, тогда сделай это, пожалуйста, сама, – потребовал Знаменский.

– Право, мне так неловко... – начала зачем-то извиняться бабушка. – Мы доставили вам столько беспокойства. Если бы я знала...

– Это мы перед вами виноваты, – настаивал Володя. – И я настаиваю, чтобы вы поднялись к нам наверх и оказали нам с Дашей честь своим визитом.

Корвалол был доставлен Дашей, которая по-прежнему смотрела волком, но против воли мужа перечить не смела. Бабушка, действительно, быстро «восстановилась» и через пять минут мы уже преодолевали оставшиеся ступеньки. Оказавшись на втором этаже, бабушка ахнула:

– О, как вы здесь все отремонтировали! Не сравнить с первым этажом.

– Мы надеемся, что вскоре низ тоже будет нашим, – деловито произнес Володя. – Впрочем, Даша уже вам кажется успела объяснить что к чему.

Даша молчала, сидя в коридоре на кушетке, сработанной «под антиквариат» и демонстративно молчала, уставясь на лепной завиток колонны.

– Чаю? – любезно осведомился Володя. – У нас неплохой десерт. Фрукты, сладости...

– Не откажусь, – улыбнулась Евгения Михайловна. – Только не очень крепкий...

За беседой время пробежало незаметно. Вот уже час с лишним бабушка с Володей гоняли чай и беседовали о старых-добрых временах. Знаменский, как оказалось, был неплохо осведомлен о судьбе этого дома и рассказал бабушке о всех перипетиях, связанных с этим зданием. Я не вникала в подробности, только запомнила, что дом переходил от ведомства к ведомству, ни разу не перестраивался и не реконструировался снаружи, внутри был перегороден двойным картоном, который еще сохранился на первом этаже. Последнее время дом представлял из себя коммуналку, которая медленно, но верно разрушалась и дом бы рано или поздно просо бы рухнул, если бы его не прибрал к рукам Знаменский.

Бабушка пила чай, хвалила торт с вишнями (покупной, явно импортный, но и правда очень вкусный), изредка вставляла реплики в рассказ Владимира. Один раз я поймала ее взгляд и поняла, о чем она думает – прямо над нашей головой висела старинная громоздкая люстра с чугунными украшениями, та самая, фамильная люстра, которая фигурировала в мучившем бабушку сне.

Всю дорогу до дома Евгения Михайловна молчала, уйдя в свои размышления. Видя задумчивое лицо бабушки, я решила не тревожить ее расспросами.

Дома я наскоро перекусила и решила, что раз утро выдалось у меня бурным, день – загадочным, то пусть хотя бы вечер будет веселым. Хотя какое веселье могло быть у Воротниковых!

Я была приглашена на званый вечер к своей подруге. Наверное, можно назвать ее подругой, хотя Света прошла довольно длинный путь от знакомой, клиентки фитнес-центра, моей подопечной по аэробике – то есть от отношений сначала вполне деловых до вполне душевных. Впрочем, таких подруг у меня наберется несколько десятков, и я вряд ли смогла бы из них кого-то выделить.

Нет-нет, не подумайте, я вовсе не собираюсь жаловаться на одиночество, еще чего не хватало! И вообще меня устраивают такие отношения, когда между людьми (некоторые мужчины – не в счет) сохраняется известная дистанция. И в душу не лезут, и помогут, если надо. Есть в этом, наверное, что-то американское...

Света Воротникова была откровенно богата. Она праздновала сегодня свой сороковой день рождения и я предполагала, сколько народу набьется в их гостиную! Но и была польщена тем, что я тоже – в числе приглашенных. «Ты – один из самых дорогих гостей!» – пошутила Светка по телефону, имея одновременно и наши теплые отношения и мои гонорары. Впрочем, за хорошую фигуру надо платить. Французы говорят: если хочешь быть красивым – надо страдать. Они имеют в виду, очевидно, диеты, физические упражнения и все такое. Я бы еще добавила – и платить!

Вечерника у Воротниковых, как и следовало ожидать, была задумана с большим размахом – человек сто приглашенных, вечерние туалеты «от кутюр», длинные кубинские сигары у мужиков, дорогое шампанское, невероятной величины торт, груды подарков.

Дом был обставлен с роскошью, но без наворотов, все очень красиво и функционально. А если и были изыски, то уж настолько забавные, что одним этим искупали свое присутствие. Например, огромный аквариум во всю стену с медленно плавающими в прозрачной воде зубастыми пираньями или резвящийся в тщательно закрытом бассейне крохотный крокодиленок у стены напротив.

Я вскоре почувствовала, как начинаю медленно, но верно расслабляться. Не в смысле бухала, разумеется (я вообще не пью, между прочим), просто напряжение этого дня начало медленно улетучиваться, словно тонкий дымок от догоревшего уже костра.

Разумеется, я повстречала на вечере несколько своих знакомых, кое-кто из которых прошел через мои тренерские руки. Пожурив владелицу кинологического клуба за то, что она снова набирает вес, я переключилась на одну пожизненную домохозяйку, с которой мы тщательнейшим образом обсудили новейшую диету, завязанную на экзотических фруктах и пришли к выводу, что она не для наших широт.

И тут я столкнулась нос к носу с тем самым типом, который навещал сегодня мою бабушку. Я была в самом благостном расположении духа и потому радостно приветствовала его как старого знакомого:

– О, привет! – я едва не хлопнула его по плечу от избытка чувств. – Какой, однако, тесный мир! Не успели расстаться и вот снова...

– Да-да, – деланно улыбнулся мне врач-психотерапевт и собрался слинять.

– Ну так скажите, что вы намерены делать с моей бабушкой! – потребовала я, впрочем, вполне дружелюбно. – Надеюсь, вы не будете выставять слишком большие счета? А у вас раньше бывали подобные случаи?

– Да, – пробормотал он, – то есть нет. Извините, я должен тут...

И, кивнув мне так, как будто мы с ним уже распрощались, знатный психотерапевт смешался с толпой, делая вид, что приметил кого-то в противоположной углу. Я проследила за ним взглядом, чуть привстав на цыпочки – ни фиги подобного! Пристроился в уголке за портьерой возле шведского стола и потягивает свое шампанское.

– Кого это ты там высматриваешь? – тронула меня за локоть подошедшая сзади Света.

– Одного неразговорчивого молодого человека, – повернулась я к ней. – Вроде врач-психотерапевт, а ведет себя, словно стеснительный подросток. Или просто не хочет со мной разговаривать?

– О-о! – загадочно протянула Светка. – А я, собственно, тебе его и припасла.

– Да ты что! – изумилась я. – Он же вялый, как рыба. И, наверное, не только в разговоре. И потом, по-моему, я ему вовсе не приглянулась.

– Нет-нет, мы с ним только о тебе и говорили, – упорствовала Светка. – Пойдем, я тебя официально представлю и, вот увидишь, все сразу же пойдет по-другому. Я тебе говорю, это классный парень!

– Ну пошли! – решительно согласилась я. – Но только под твою ответственность!

Дело в том, что Светка Воротникова давно и упорно пыталась выдать меня замуж, подыскивая среди своих знакомых разнообразные варианты и предлагая их мне на выбор. Не могу сказать, чтобы мне это нравилось, но, во всяком случае порядком забавляло.

«Света, солнышко, – взмолилась я как-то раз, – тебе бы свахой быть – в смысле собственного агентства, – ты бы вмиг миллионершей стала!»

«Зачем мне становиться миллионершей, когда у меня муж... Ну, в общем, ты в курсе, – смеясь, отвечала мне Света. – И потом, для души – это одно, а для денег, дорогая моя, совсем другое!»

– Мишель! – окликнула Света специалиста по психотерапии, который скучал в одиночестве. – Вот мы вас и настигли! Знакомьтесь, это та самая Полина, о которой я вам так много рассказывала.

– Очень приятно, – машинально проговорил врач, пожимая мою руку.

Казалось, до него с трудом доходит, что «та самая Полина» и девушка, с которой он сегодня сталкивался у Евгении Михайловны и здесь, на вечеринке у Светланы, – одна и та же персона.

Я не без удовольствия следила за тем, как постепенно теплеет его лицо. Как-то сама собой исчезла гримаса недовольства и озабоченности, как рожица, наскоро нарисованная мелом на школьной доске исчезает после одного взмаха чистой тряпки. Теперь Михаил весь подобрался, посерьезнел и в его глазах появилось то неуловимое, но такое характерное выражение, его ни с чем не спутаешь – интерес к женщине, которая сейчас стоит рядом с ним.

Теперь мне предстояло загладить неловкость, которую я, надо признаться, испытывала в этот момент. Ведь, окликнув его запросто здесь, на приеме, я, получается, как бы заигрывала с ним. А первой делать такие вещи ни в коем случае не полагается. Поэтому я утянула Светку по направлению к лестнице, ведущей в комнаты на втором этаже, напоследок сказав Михаилу – хоть и через плечо, но с максимальной доброжелательностью:

– Нам нужно немного посекретничать! Я спущусь в зал через минутку-другую, – хочу посмотреть, как будут кормить пираний.

Эта, вроде бы ни к чему не обязывающая, фраза в данной ситуации на самом деле означала следующее: «Ждите меня у аквариума!»

Когда мы поднимались по лестнице в будуар Светланы, то она уже успела забыть, что это я ее сюда утащила и, когда муж окликнул ее снизу, она крикнула ему, что мы, мол, с Полиной должны немедленно посмотреть модели этого сезона в новом номере «Магды» и сейчас спустимся. Но когда мы зашли в ее комнату, то Светлана сразу же усадила меня на кровать и стала, закатив глаза, рассказывать очередную историю о своем любовнике.

Я уже привыкла к таким рассказам за время общения со своей подругой и знала, как на них надо правильно реагировать – вполне достаточно было ограничиваться взволнованными репликами типа «да ты что!», «не может быть!», «ну ты даешь!» или «полный отпад!»

Светлана методично изменяла мужу с одним и тем же типом вот уже десять лет подряд. Если у нее и были в жизни другие мужчины, то проходили «по касательной» и были настолько эпизодичные, что она даже считала пустой тратой времени ставить меня в известность о том или ином романе. Наверное, она заводила их лишь для того, чтобы убедиться: лучше ее партнера нет и быть не может!

Ее избранник (не тот, который законный и с деньгами, а тот, который по зову сердца или чего-то там еще) был немолод, как и сама Светлана. Их роман развивался, рос и креп год от года и Светка каким-то невероятным образом умудрялась скрывать свою связь от мужа, пускаясь на всевозможные хитрости и уловки.

Вообще, если говорить по-ложа руку на сердце, то это был материал как раз для Ольги. Я с сестрой частенько разговаривала на подобные темы и была в курсе всяких скрытых мотивов, которые обычно присутствуют в такой модели поведения. Ольга наверняка объяснила бы действия Светланы исходя из какой-нибудь фрейдистской модели, хотя я видела тут прежде всего элемент игры – любовники со стажем делали все возможное, чтобы не раскрыть свои отношения, но, вместе с тем, постоянно ходили по лезвию ножа, хотя могли бы встречаться втихую. Но, наверное, это было бы им обоим не интересно и «опасная связь» щекотала нервы.

– Это придает мне вкус к жизни, – как-то обмолвилась Светлана.

Выслушав очередной репортаж о том, как они «опять чуть не попались», я плавно перевела разговор на представленного мне Михаила. Света стала уверять меня, что он и такой и сякой, что, по ее мнению, лучше пары для меня не найти и что у нас с ним все будет хорошо.

Уж и не знаю, убедила ли меня в этом Светка или я на самом деле прониклась, но окончание этого вечера мы провели с Михаилом бок о бок. Он, действительно, оказался вовсе не таким занудой, как можно было представить при первом впечатлении. В меру галантен, в меру податлив, в меру обаятелен – что еще надо от мужчины?

И когда мы вышли с ним на улицу и распрощались с хозяйкой, – Светлана провожала нас на пороге, – то как-то само собой так получилось, что мы с Мишей поехали ко мне. Надо сказать, что я была неправа, подозревая в нем непростительную для мужчин вялость...

А наутро был обыкновенный рабочий день. Миша быстро сварил кофе, мы позавтракали и он ускакал к себе на службу. Я осталась досыпать, так как в спортивном комплексе клиенты в этот день были у меня только после обеда. Но поспать мне не дали и, в общем-то, правильно сделали. Около девяти позвонила Ольга.

2. ОЛЬГА

Я проснулась в таком состоянии, словно вчера меня долго и несправедливо били. Голова была тяжелая-претяжелая и когда я с трудом села на кровати, мне показалось, что она перевешивает и снова тянет меня к подушке. Но мне удалось превазможь это безобразие, я встала, заставила себя подойти к окну и встать под форточку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.